

Нечаева
Оксана

ИЗЛОМ
ИЗОТОВА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Оксана Нечаева

Излом Изотова

«Автор»

2025

Нечаева О.

Излом Изотова / О. Нечаева — «Автор», 2025

Планета Земля – экспериментальная разработка другой цивилизации. Люди – проекты, которые создают Демиурги. Они принимают решение о ликвидации проекта, если тот себя исчерпал. Главный герой - врач «скорой помощи» Изотов Сергей – попадает в круговорот невероятных и загадочных событий. Он оказывается в северном городе Тургадан, на границе Плато Путорана, в Институте мозга. И не понимает, что его «ведут». Кто он: средство для реализации чьих-то задач или человек, способный сам вершить свою судьбу?

© Нечаева О., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Пролог	6
1. Великий	9
2. Сергей Изотов	13
3. Незнакомец	22
4. Максим Босой	25
5. Ира	32
6. Визит полицейского	33
7. Юлька	37
8. Тургодан	39
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Оксана Нечаева

Излом Изотова

ИЗЛОМ ИЗОТОВА

Пролог

“Может ли цивилизация, которая создает целые миры, но не в состоянии справиться с мошкой и гнусом, претендовать хоть на какую-то великость? Эта вездесущая мошка, не дающая даже думать... Да что там думать! Дышать полной грудью не дает! А какой здесь воздух! Жаль, мороз и ветер не для долгих прогулок. Да и мне нелегко уже. Пара столетий на Плато Путорана – шутка ли? Два месяца сомнительного лета мне мало, чтобы зарядиться на длительные холода. Да, наши климатологи здесь не проявили гуманности. Я бы предпочел уютный солнечный остров и успокаивающий шепот прибоя... ммм... да...”

Оскар любил поразмышлять и побродить в одиночестве вдоль крутых изломов горной реки. Он всегда отдавал должное специалистам по ландшафтному дизайну Земли. Плато Путорана – было одним из ярчайших их шедевров. Еще сто двадцать миллионов лет назад здесь бушевали вулканы и изливалась огненная лава. А сейчас – это извивающиеся разломы каньонов, будто отметины когтей гигантского дракона. Красно–коричневые скалы раскрашены гигантской кистью как слоистый пирог. Ветер, холода и сейчас продолжают работать над задумкой главного дизайнера, превращая гигантские базальтовые «столбы» в отвесные обрывы. Вода шумно торопится заполнить пространство и строит свою сеть с порогами и водопадами. Глубина кристальной чистоты озер известна, пожалуй, только Великому. Не напрасно же он избрал

именно это место. Где еще в полной мере можно насладиться своим величием, как не на краю огушительного водопада. Вода разбивается в мелкий ледяной дождь и растворяется в воздухе десятками счастливых радуг. А ведь это надо было не только спроектировать, а воплотить!

Оскар не любил зиму. Этот жестокий, бесконечный ледниковый период изматывал и испытывал на прочность его немолодые суставы. Чего ему стоила черная полярная ночь с симфонией тоскливой вьюги, поющей об одиночестве.

Но Оскар понимал – именно климат и труднодоступность сохраняли покой и сводили к минимуму присутствие людей. Их всегда притягивали тайны Плато Путорана. За столетия Оскар повидал здесь много исследователей и авантюристов. Как не пытались обитатели планеты Паэтон скрыть свое присутствие на Земле, но неизбежно попадали в предания и легенды древних эвенков. А Плато Путорана тунгусы стали приписывать чудодейственную силу исполнения желаний.

Люди всегда были главной головной болью Оскара. Он, как и другие Демиурги, писал их судьбы, читал, вносил коррективы и вычеркивал. Он был творцом своих Проектов. Награждал их способностями, проектировал таланты и просчеты, вел по жизни, открывал возможности, подбрасывал случай. А уже самому Проекту надлежало превратить все это в свой личный опыт и свою уникальную жизнь. Оскар был убежден, что Проект должен оставить больше, чем в него вложили, и уйти. Уйти с отрицательным балансом, как Демиург это называл. Он всегда помогал и протягивал руку, подталкивал и сопереживал.

Но эти люди! Человек – самый сложный и непредсказуемый проект. За сотни лет Оскар сталкивался со многими препятствиями и неудачами. Бывало, что Проект застрянет, он стоит на одном месте и не удастся раскрыть его и завести. Он становился причиной бессонницы и подорванных сил своего создателя.

Оскар всегда встречался с Проектом накануне его ухода, редко – в переломные периоды жизни. На этом настаивал Великий, он считал это работой над ошибками. Каждый проект должен выполнить свою миссию и уйти, не задерживаясь ни дня. Надо освободить место. Иначе нет смысла. Да и человек такой несчастен. Он становится обузой, на него тратят свои ресурсы другие проекты. Великий не терпит расточительства.

1. Великий

Сегодня Оскар идет на защиту своего Проекта.

Шеф всегда вызывал ночью или на рассвете. Днем он был занят. Никто не знал, спит ли он когда-нибудь.

Перед встречей Оскар всегда испытывает внутреннюю дрожь и не может справиться с волнением: ведь решается судьба его Человека. Шагая на аудиенцию по длинному темному туннелю с шершавыми стенами, он вздрагивает от каждого шороха. От гула шагов то справа, то слева просыпается желтая пара чьих-то глаз. Где-то хлопает дверью скрипучий сквозняк. И шепот, шепот, какой-то легкий шепот стоит в голове.

Оскар всегда заходит к Великому с благоговейным трепетом. Руки опять предательски дрожат, сухое горло сжимает страх, мешая собраться с мыслями.

В кабинете Великого всегда полумрак, все знают, что шеф не любит яркого света. В центре тяжелый письменный стол, где всегда беспорядочно разбросаны неожиданные и несвязанные между собой предметы: бумажные свитки, рукописи, игральные карты, граненый стакан из мутного стекла в серебряном подстаканнике со странной кипящей жидкостью. На краю стола модель Земли, по которой движутся огни – одиночные в океанах и выстроившиеся в длинные линии на магистралях материков. Завораживают большие, старинные, инкрустированные позолотой, песочные часы, которые никто никогда не переворачивает.

Комната кажется пустой, но Оскар знает, что Великий здесь. Он не любит опозданий подчиненных и сам всегда пунктуален. Сегодня шеф раздражен. Об этом прошептала черная ночь за окном, невыносимая выжидающая тишина и липкий тяжелый воздух. Медленный шепот золотого песка часов напоминает, что время не ждет.

Стена справа, в бордовых потертых обоях с золотым орнаментом, ничем не примечательна, если бы не странная дверь. Она всегда разная: то старая деревянная с паутиной в углу, то новая белая, как в приемном покое больницы, то заколоченная кривыми досками. Неизменно одно – она всегда закрыта.

На стенах бесшумно пляшут оранжевые тени пламени, хотя в комнате нет камина. Все знают – это замыслы Великого. Они сливаются в танце чьих-то судеб, роковых случайностей и счастливых встреч. Они то обрываются, словно обозначив фатальный исход, то извиваются вверх, к потолку, решив выкрутиться из невероятного тупика.

Стены слева не было. Ее не было никогда. Эта часть кабинета утопает в черной пустоте. Говорили, что так выглядит черная дыра или бездна. И даже слышали, как туда кто-то проваливался. Шеф туда иногда уходил, а за ним уплывали его пляшущие мысли. Оскар так и не смог привыкнуть к этой черноте и никогда не смотрел в ту сторону. Он знал, что присутствует на кухне жизни. Но ему не дано проникнуть во все ее секреты.

Окно напротив распахнулось и в лицо ударил запах гари. За спиной заскрипел пол под чьей-то невидимой тяжестью. Оскара затошнило, закружилась голова. Сзади раздался хриплый низкий голос грузного, малоподвижного человека:

– Я читал его жизнь... пресно... – сказал Великий.

Демиург вздрогнул от неожиданности, сердце бешено заколотилось, пульс застучал в висках. Он опустился на стул. За окном в небе с глухим уханьем промелькнула тень, на мгновенье скрыв полную луну. Когда комната осветилась, Великий уже сидел за столом. Он говорил медленно, вязким, тягучим голосом, делая длинные паузы, сглатывая мокроту:

– Ты вложил в проект многое... ум, талант... Но ты его так и не включил. Он повис, как ненужная ноша! – Тяжелое тело шефа еще больше склонилось над столом, широкие плечи ссутулились, он вздохнул и опять погрузился в раздумья.

В полумраке Оскар плохо видел его лицо. Гладкие волосы открывали большой лоб, опухшие полузакрытые веки, усталые фиолетовые глаза с узкими вертикальными зрачками. Великий всегда был задумчив, нетороплив, он разговаривал как бы вскользь, отвлекаясь от мыслей. Он был далеко и думал о своем. Шеф даже редко смотрел на собеседника. Ведь он уже все это видел, ему все было понятно.

Наступила тишина. Золотой песок старинных часов на столе шефа сыпался со злобным шепотом. Великий медленно поднял ладонь, обращенную к часам, как к надоевшему собеседнику, желая, чтобы тот сделал паузу в пустой болтовне. Шепот прекратился. Песок перестал сыпаться и время встало. Великий сам решал: тратить его на тебя или нет. Стало легче. Притих сквозняк, застыли тени, и Оскар почувствовал, как суставы отпустила сковывавшая боль. Он немного пришел в себя и осмелел:

– Великий, рано подводить итоги. Надо дать ему шанс. Ваши выводы поспешны. Я хочу ввести проект в поток. Ему неоткуда взять энергии, он в тупике, закончились силы. Я хочу помочь. Изменится его география и он запустится! Вы же сами говорили: место и время!

Великий медлил. У них с Оскаром всегда было сложное и изнуряющее сотрудничество, со скрипом и напряжением. Эти паузы были невыносимы. Шеф будто уходил и возвращался.

– И какое место? Плато Путорана? – Наконец произнес шеф. – Никаких гарантий. Потоки уже не те, – вздохнул он, – они меняются... Потоки уходят, люди мельчают.

– Я хотел отправить его в другой город. Ведь потоки в городах.

– Нет, это города в потоках... Оскар! Признайся себе, что проект неудачен. У меня нет ни времени, ни желания контролировать и смотреть за его доживанием.

– Я хочу его сделать счастливым. Дать любовь, и он раскроется.

– Любовь неподвластна Демиургу... чувства включить ты не сможешь. Это предугадать не в состоянии даже я... Только предположить... Создай ему препятствие, конфликт, мучительную дилемму. Дар не включится в штиле и благополучии. Придумай трагедию, и он устоит, если сильный. Только на этом топливе возможен взрыв. Ну а если нет, то и нечего думать! Включай ликвидацию.

– Великий, нет! Только не ликвидацию!

Сопроотивление шефу всегда уносило у Оскара много сил, опустошало и делало беспомощным.

– Оскар, нельзя создать мир на основе одного благополучия. Только ты, со своим идеализмом мог такое придумать. Все устроено иначе. Где свет, там тьма, где есть жизнь, там есть смерть. А где будет гений, там будет и посредственность.

Великий опять замолчал. Возникла новая пауза. В тишине Оскар слышал только тяжелое дыхание шефа. Тот опять продолжил:

– Невозможно создать успех, одаренность, удачу из однородного материала. Это слишком сложное кружево. Это так не работает. Всегда будет остаточный эффект. Ты же знаешь, Оскар, когда мы создаем лекарство, мы собираем множество компонентов, изучаем их свойства и взаимодействие. Но никогда не бывает положительного эффекта без побочного отрицательного. А если нет вреда, то и польза от него ничтожная.

Великий снова замолчал. Его взгляд впервые за весь разговор на мгновение остановился на Демиурге. Оскар почувствовал невыносимую усталость. Пора было заканчивать аудиенцию.

– Великий, я дам ему проводника. Я выведу его.

Великий стал раздраженно поглядывать на часы. Песок заиграл от лунного света, ожидая команды снова двигаться, бежать дальше... Шеф продолжил:

– Ты же знаешь! Если проект не использовал свой дар, придет наказание. И даже я не смогу ему помочь. И чем больше ты в него вложил, тем сильнее расплата. Талант вырвется болезнью, срывом, ухода в сумрак, поворотом в никуда. А если быть точным, включится программа самоликвидации. Проект исчерпал свой ресурс. Признай это.

– Нет! Я знаю его, как себя, он дорог мне. Я не могу так просто взять и... чтобы его не стало. Я хочу его сделать счастливым и отпустить.

Из открытого окна в комнату заполз серый туман, он медленно заполнял собой пространство, пытался спрятать рукописи на столе, песочные часы. Разговор подходил к концу.

– Оскар, я создал не одного гения. К какому счастью ты его ведешь? Он не может стать счастливым по определению. Он одна из направляющих, несущих конструкций. Это его удел. Он для этого был рожден. У него не должно быть другого выбора. Счастье... Счастье для бабочек! Он должен стремиться к вершине. Ты Демиург! Ты должен это знать!

– А что там, на вершине, Великий?

Опять пауза. Великий словно обмяк в кресле. Стал еще тяжелее.

– Одиночество... ты же знаешь...

Он медленно встал. И усталой шаркающей походкой стал уходить в черную бездонную сторону. Туман все больше наступал. Великий откашлялся и бросил Оскару: “Последний шанс тебе”, – и медленно растаял вдалеке.

Песочные часы очнулись и зашептали золотым потоком.

2. Сергей Изотов

Любимые виды спорта Изотова были диван, плед, книги и одиночество.

Пожалуй, плавание он еще мог терпеть. Вода была его комфортной стихией. В ней Сергей чувствовал себя свободным. Свободным от проблем, чувства долга, совести и тяжести собственного тела. Вода его успокаивала, менялась с ним энергиями: забирала все негативное, усталое и злое, а заряжала освежающей бодростью. В воде он не мог бежать, делать резких движений, а мог только выдохнуть и подумать.

Выспавшись после суточного дежурства, Изотов тащил в бассейн свое уставшее тело бывшего пловца, чтобы, нырнув в воду, обрести подвижность в новом измерении. Организм, чувствуя к концу четвертого десятка, что гарантийный срок на исходе, начинал подводить. Он укорял за интенсивную эксплуатацию ночами, длительную неподвижность за компьютером и регулярный алкоголь в малых дозах.

На «скорой помощи» не принято говорить: «работаем». Здесь не работают, а дежурят. Сегодня сутки у Изотова были от дьявола. Весь день шел дождь, не переставая. Он лил и лил, заполняя собой все пространство вокруг подстанции и машин. Он бил в окно, стучал барабанной дробью по крыше, бурлящим потоком мчался вдоль тротуаров. Сергей дежурил с напарником Егором, фельдшером после медучилища, молодым крупным парнем, с сильными руками и отличными прыжками в длину. Они мелкими перебежками преодолевали лужи, с оборудованием наперевес, от подъезда к машине.

Ночью началась настоящая майская гроза. Природа решила, что все за зиму соскучились по раскатистому гromу, и яркими сполохами освещала спящий город. Старенькую подстанцию окончательно накрыл поистине тропический ливень.

За пятнадцать лет на «скорой» Изотов уже вычислил закономерность – в такие ночи обычно две крайности. Либо населению крепко спится, либо все, у кого в анамнезе хоть какая-то ничтожная метеочувствительность, вспоминают о “скорой”. В эту ночь диспетчерская разрывалась от звонков.

Под утро на подстанции стали собираться свежавыжатые линейные бригады на перемену. Изотов с Егором вернулась пополнить сумку, отдохнуть и согреться чаем.

Сергей сидел на кухне и заполнял карточки вызовов, время от времени грея руки о горячую кружку. В намокших кроссовках замерзшие пальцы почти не ощущались. Наваливалась усталость, голова клонилась к столу и тяжелели веки. Его серые глаза к концу суточного дежурства всегда становились тусклыми, а лицо из за щетины выглядело осунувшимся. Углублялись морщинки вокруг глаз. Первая седина, уже успев разбавить черные волосы на висках, становилась заметнее.

В дверном проеме выросла диспетчер – Наталья Григорьевна – некрасивая женщина с неустроенной личной жизнью, развитым чувством долга и зависти. Она положила на стол бланк нового вызова: «Сергей Николаевич, это последний, и вы свободны. Восемьдесят два года, плохо».

“Кому в восемьдесят два хорошо?” – промелькнуло в голове Изотова.

Бабушка жила в частном секторе. В одном из тех дремучих домиков, которые упреком стояли между вычурными особняками, демонстрируя контраст и несправедливость жизни. У калитки бригаду встретило бесполое существо в резиновых сапогах и плащ-палатке. Из темноты оно произнесло писклявым голосом: «Это мы вызывали» и поплыло среди потоков дождя вглубь двора.

Когда Изотов приезжал на вызов, первое впечатление для него – всегда запах. В домах стариков это нередко запах старых вещей, вчерашнего борща, невымытого тела и профуканной жизни. Обычно Сергей не жалел своих больных. Хотя нет, жалость – неправильное слово, они были Изотову безразличны. Он считал, что все неприятности, к которым его вызывали – закономерный итог их сознательного выбора. Итог их образа жизни. И врач не в состоянии их изменить. В его силах оказать им помощь, чтобы они продолжили жить дальше тем же способом. Одинокая старость, в конечном итоге, тоже выбор, результат отношения к детям, нежелание париться проблемой друга или соседа. Было над чем задуматься.

Следующим, после запаха, Изотов ощущал легкое вибрирующее движение воздуха, слегка уловимое, только-только себя обнаруживающее, постепенно, по мере приближения к пациенту, переходящее в четкое трепетание со своей амплитудой, цветом, теплом, источником. Иногда Сергей угадывал сразу, что это и какая болезнь на этот раз себя выдает. Но чаще он тонул во множестве дрожащих сигналов и ему стоило больших усилий хотя бы понять, какой орган пациента зовет на помощь. Он чувствовал всегда по-разному и это никогда не повторялось. Мог мешать общий фон: размер комнаты, количество людей в ней, даже их настроение. На улице и в толпе Изотов в этом смысле был бессилён.

Дрожащие сигналы, которые врач назвал для себя вибрации, он чувствовал с детства. Они могли появиться внезапно, и он искал их источник, а могли стихнуть или совсем пропасть. Еще ребенком Сергей сразу сообразил, что взрослым об этом лучше не говорить. Разве он мог расстроить маму, что дядя Вася из первой квартиры, сегодня ночью умрет? А ему это было ясно по частоте, силе, наполненности жизненных сил соседа. Тот болел онкологией, жил на первом этаже и частенько сидел у подъезда, когда маленький Сережа возвращался с учебы. Школьник уже понимал, что рассказывать об этом никому нельзя. Только мама, будто подозревая что-то, иногда на сына странно поглядывала. Иногда.

Надо сказать, позднее эта чувствительность Изотова стала теряться. Как уходит с возрастом детский диатез или ссадины на коленках. Он уже забыл об этом, вспоминая, как детскую фантазию. Снова почувствовал вибрацию и хоть как-то стал идентифицировать ее он уже позднее, во время учебы в мединституте и проходя практику. Именно в общении с пациентами, чувствуя слегка уловимое движение воздуха, Сергей стал понимать, что это с ним разговаривает либо болезнь, либо себя выдает психическое состояние больного.

Вот и сейчас, зайдя в дом, Изотов почувствовал легкое тревожное дрожание. Встречающее их существо оказалось худощавой девчонкой с редкими тонкими косичками-дредрами, брекетами и маленькой татушкой-сердечком на щеке. Она пропищала: «У бабушки печеночная колика», и повела к больной.

Внутри дом производил лучшее впечатление, чем снаружи. Пахло старыми книгами, что всегда располагало Сергея, и кофе. Что может быть уютнее... Медики прошли в спальню через гостиную с громоздкой мягкой мебелью, тяжелыми шторами и высокими книжными шкафами. На широкой кровати с резным деревянным изголовьем сидела стильная бабушка: ухоженная подкрашенная седина, маникюр, яркая атласная пижама. Болезнь выдавали худоба, желтушные глаза и сухие губы.

Егор раскрыл сумку и приготовил тонометр.

– Что случилось, рассказывайте, – спросил Сергей, по привычке повышая голос.

– Не кричи, слышу я тебя, – отозвалась больная. – Колика у меня печеночная. Расплата за любовь к жареной картошечке.

– Бабуля, диагноз я сам поставлю. Жалуетесь вы на что? – начал врач типичное пререкание с больной.

– Тебя как зовут, доктор?

– Сергей меня зовут.

– Юлиана я. Серезенька, ты не умничай, – она накрыла его руку сухой старческой ладонью, – я тебе работу облегчаю. В первый раз замужем что ли? Спазмолитик мне кольни и езжайте отдыхать. С ночи же вы, видно сразу. Небось, и вызов последний. Анютка, кофейку сделай пока мальчикам.

Девчонка послушно убежала.

Изотов вспомнил, как, еще будучи на практике в институте, старый доктор учил: “Не разрешайте больным брать себя за руку или класть руку на коленку, когда измеряете давление. Больные энергию сосут только так. И за суточное дежурство от тебя ничего не останется.”

Сергей не стал умничать, как бабушка и просила, а уложил ее пальпировать живот. Привычно растер холодные руки и приготовился к работе. Обычно он старался настроиться на волну тела, почувствовать его ритм, пульс, разницу температур. Он провел рукой, не касаясь кожи, вдоль грудины к эпигастрию¹. Характерные теплые волны говорили о гастрите. Да у кого из нас его нет? Тааак... дальше... Печень, бабушка, говоришь? Есть тут у тебя камушек в желчном, но сидит он тихо, не должен тебя беспокоить. Печенка висит ниже края реберной дуги... пошел влево, ожидая обычную серо–розовую спокойную рябь. И тут в ладонь ударила горячая волна, такая яркая, сильная, красно–оранжевая... Изотов отпрянул от неожиданности.

– Бабушка, а давно обследовались? Боли какого характера? В спину не отдают? Да и какая, к чертям, жареная картошечка?

Бабушка вздрогнула и внимательно посмотрела на врача.

– Знаю, знаю, куда клонишь. Без тебя знаю все. Рачок прилетел. Внучке не говорю, расстроится. Одна я у нее.

– Вам бы обследоваться полностью, да лечиться. А внучке сказать бы не мешало. Она знать должна, что жизнь так устроена и что вы не вечны. Ей надо думать о своем будущем, – настал черед Изотова давать советы.

Но бабушке это явно не понравилось:

– Не учи меня жизни, Серезенька. Сам–то, под сороковник, наверное? А что делаешь здесь? Пациенты тебя раздражают, устал ты от чужих жизней и нерешенных проблем. А диагноз какой! Сразу ведь лукавство мое учуял! И едешь ты такой по вызовам – выгоревший врач с тусклыми глазами, для которого больные – тушки с болезнями. И меня жизни учишь.

Изотов только набрал в легкие воздух, чтобы разразиться возмущенным монологом, но тут забежала расторопная Анютка, засуетилась с кофе. Растерянный Егор, чтобы как–то заполнить неловкую паузу, спросил тихо:

– Ну что? Спазган?

– Да какой спазган, трамадол сделай.

Внучка проворно поправила бабушке подушки и удобно уложила. Больная после укола притихла, размякла, напряженное поле над ней стало рассеиваться. Пока пили кофе, Изотов написал карточку, сделал бабушке активный вызов участкового врача и решил, что пора уезжать с чувством выполненного долга.

Они попрощались с внучкой, но тут бабушка зашевелилась, и тихо, выныривая из полудремы, прошептала: «Привет тебе. От Оскара». И снова заснула.

К утру ливень закончился, небо освободилось от тяжелых туч и первые солнечные лучи настойчиво били по уставшим глазам. Изотов возвращался после дежурства домой, а обновленный город просыпался. Улицы уже погружались в утреннюю суету, звенели трамваи, раздраженные водители сигналили на перекрестке, дворники в оранжевых жилетах лениво рассеивались вдоль мокрых тротуаров. Сергей всегда ловил некое удовольствие – прогуливаться навстречу тем, кто спешит на работу.

¹ Эпигастрий – это верхняя центральная область живота, расположенная между ребрами и под грудиной.

У подъезда расцвели первые бабушки: у кого скандинавские палки, у кого клетчатые сумки с колесиками. Они строили планы, мыли косточки соседям, жаловались друг другу на дурной сон в грозу. Баба Нюра обсуждала очередную панацею, рекламные листовки которой настойчиво желали вечной жизни. А тут и Изотов вывернул очень кстати. Дружелюбно отмахиваясь от бабушек, под благовидным предлогом страшной усталости ему удалось скрыться от них без потерь.

Поднимаясь на третий этаж, Сергей увидел приоткрытую дверь Степаныча и вспомнил, что обещал зайти сделать укол. Изотов уже и не мог припомнить, как долго тот здесь живет. Частенько забегать к нему на чай он стал последние полгода, когда остался один после смерти мамы. С соседом было легко и уютно, он умел поддержать легкий разговор ни о чем, вовремя промолчать, не задавать неловких вопросов.

Иногда почтенный буфет Степаныча трансформировался в бар, и они в умеренных дозах занимались профилактикой неврозов. У соседа была бронхиальная астма, но врач разрешал редкие послабления с приемом алкоголя.

Сергей толкнул дверь, пахло свежесваренным чабрецом, липой и чем-то еще ягодным, лесным, согревающим душу. Степаныч возился на кухне: «А я ждал тебя! Ночка, наверное, выдалась не из легких?»

У соседа всегда было не прибрано и небрежно разбросанные вещи находились в местах, логичных только для самого хозяина. Здесь чувствовалось отсутствие женской руки, которая бы вовремя смахнула пыль с книжной полки и расставила вазочки для уюта. Но Сергею всегда здесь было душевно, как бывает уютно в старой затертой до дыр футболке или в просиженном старом кресле, которое с годами поменялось под твои формы и привычки.

Степаныч и сам ходил по квартире в старых трениках с классическими оттянутыми коленками и выдавшей вида майке. Все это органично сочеталось с его лохматой редкой сединой, окружающей круглую лысину, на которой восседали старые очки, перетянутые сзади резинкой.

После укола Степаныч соорудил любимую чайную церемонию. Обычно для этого он накрывал стол в единственной комнате, а не на кухне. Доставал свой чайный сервиз Ленинградского фарфорового завода, темно-синий с золотыми изящным узором на крутых боках чашек, и бережно расставлял его на белой скатерти. Чай он заваривал особенный, по своему секретному рецепту, с ароматом лесных трав, пахнущий детством, как он говорил. Пили чай всегда с рафинадом, большими крепкими ломаными кусками. Изотов удивлялся, где такой еще можно достать, но Степаныч говорил, что все есть в гастрономе. У соседа нередко проскальзывали советские, давно забытые слова: гастроном, сберкасса... Это выглядело странно, лет-то ему было чуть за пятьдесят.

Солнце заглянуло на чай сквозь ажурный тюль, пришлось по «елочному» паркету, осветило сервант с раздвижными стеклами, мягкие кресла на тонких ножках, отразилось в кинескопном телевизоре, явно нерабочем и собирающем пыль. Вся обстановка у Степаныча – цветастый ковер на стене, старый сервиз, брошенный на высокий шкаф старинный проектор диафильмов – все это погружало Сергея в детство, в его легкую беспечность, в уверенность, что все проблемы, стоит их рассказать маме, пройдут сами собой.

– Ваша матушка любила этот чайный сервиз, – словно уловил ход мыслей Сергея Степаныч.

Изотов промолчал. Есть эмоции, которые дано пережить один раз в жизни. Они глобальны и переламывают тебя, делят твою жизнь на до и после. Рождение ребенка, любовь – все это может случиться не единожды. Один раз можно пережить смерть мамы. И у всех это по-разному.

Астроцитомы – красивое слово, похожее на цветок или звезду. В случае мамы Сергея это был спрут – опухоль мозга, незаметно прорастающая, как плесень, и уничтожающая личность. Не знаешь, что страшнее: потерять близкого человека сразу или терять его медленно, день за днем. Сначала уходят привычные слова, потом жесты. Все это ползет планомерно ровно, как наступающий агрессор, как метроном, отсчитывающий по только ему известному таймеру. Ты уже не можешь разговаривать с мамой как прежде, потому что это другой человек, другая личность. Это уже не твоя мама, интересный рассказчик, с массой друзей и коллег, таких же ученых–этнографов, путешествующих по стране и любящих душевные посиделки. Теперь все иначе, теперь большой мозг создает свою реальность, со странным миром галлюцинаций, с иногда невесть откуда нахлынувшей агрессией или просветленной добротой. Потом остаются пустые механические привычки, бессмысленные обрывки фраз, набор бесвязных слов, бессилие и шумное агонирующее дыхание.

– Она была необычным человеком, – нарушил молчание Степаныч, – я не встречал женщин более ярких, живущих такой наполненной жизнью.

Мама была учителем истории и всю жизнь занималась этнографией. Ее увлекала культура народов Севера. Сколько с детства Сергей слышал от нее сказок и преданий эвенков, ненцев, якутов. Часто она уезжала в экспедиции и оставляла сына на попечение бабушки. Но Сергей был не в обиде. У бабушки всегда вольготно, она пекла вкусные шаньги и разрешала поздно ложиться спать. И он обожал мамины шумные возвращения с интересными историями и необычными сувенирами: теплыми рукавицами, амулетами, украшениями с замысловатым орнаментом.

Мама и одевалась экстравагантно, ее нельзя было не заметить в толпе. Она любила вещи в этническом стиле и даже уже, будучи в зрелом возрасте, не изменяла своим вкусам: свободные туники из ярких тканей, длинные платья с вышивкой, бисером, крупные украшения. И ее визитная карточка – прическа – коротко стриженный седой ежик.

В подростковом возрасте Сергей стеснялся ее, чувствовал неловкость при друзьях и избегал ходить куда–то вместе. Это сейчас до него дошло, какая это глупость, его зажатость в своей защитной скорлупе! Как он боялся быть «не таким», как пугали его яркое проявление эмоций и мамина непосредственность. Сергей прятался под своей черной безликой одеждой и хотел быть незаметным.

– А как вы познакомились с ней? Вы же здесь не так давно живете? – спросил Изотов Степаныча, оторвавшись от своих воспоминаний.

– О, Сережа, это было так давно, что я и сам уже не припомню. Но, мне кажется, я знал ее всю жизнь.

– Ах, мама... мама... Незадолго до постановки диагноза она стала многое вспоминать... Как чувствовала. Все анализировала свою жизнь, насколько наполнено и интересно ее прожила... Даже упомянула умершего отца, якобы он заходил к ней. Да... что только не подбрасывает нам больное сознание...

Изотов снова погрузился в свои мысли. Степаныч деликатно молчал. Он это умел.

Тут взгляд Сергея остановился на стопках книг, небрежно забытых, перевязанных грубой веревкой и пылящихся в углу.

– Что это, Степаныч? Что ты тут почитываешь? – Изотов подошел и стал рассматривать корешки. – «Физиология головного мозга», «Мозг и разум», «Особенности психоневрологического статуса... Степаныч! Откуда это?

– Да, так... В макулатуру надо сдать... хлам разный... – смутился он и, нервничая, начал собирать посуду со стола.

– Степаныч, ну как же так? Давай я хоть книжную полку тебе здесь сооружу.

И тут Изотов снова оторопел. Рядом с книгами на полу лежала игрушка. Его игрушка! Его желтый пес! С которым он спал, которого прятал под одеяло, чтобы он не замерз, который был его другом. С длинными ушами, одно ухо оторвано и пришито, с большими умными глазами и пуговицей вместо носа.

– Откуда он здесь? У тебя, Степаныч? Это же моя... – воскликнул Сергей, взяв пса в руки. Но сосед заторопился с чашками на кухню, бросив через плечо:

– Не придумывай! Таких игрушек полно было в «Детском мире». Это внуки закинули и забыли.

Сергей почувствовал навалившуюся усталость, сердце внутри трепыхалось, ноги обесилели. Начали сказываться тяжелые сутки. А, возможно, горячий чай Степаныча разморил.

– Пойду я, – сказал Изотов, – а то сил не хватит преодолеть еще этаж. У тебя там холодильник пустой. Купить продуктов?

– Нет, спасибо. Сын привезет. Отдыхай. Увидимся...

Дома хорошо. Дом – тихая гавань, где можно упасть и расслабиться. Цезарь, рыжий разбойник, встречает хозяина, соскучился, крутится под ногами, мурчит, рассказывает на своем кошачьем о трудной судьбе голодного одиночки.

Усталость валит Сергея с ног. Если сейчас залезть в ванну – точно заснет, лучше под душ.

Солнце уже по-хозяйски бьет в окно. Упрекает пылью, грязной посудой на компьютерном столе. Завален мятой одеждой стул, носки на полу. “С Юлькой такого бы не было. Ну да ладно,” – подумал Сергей.

Квартира многим напоминала о маме: остались ее книги, интерьерные безделушки, украшения – она это любила. Сергей переехал сюда, когда узнал о ее диагнозе. Тогда он расстался с Юлей, мотался по съемным квартирам, был слишком озадачен своими проблемами, зализыванием ран. Мамина болезнь проявила значимое и унесла на второй план личные неудачи.

После бодрящего душа жизнь заиграла новыми красками. Довольный Цезарь, набив пузо, по-хозяйски разлегся на столе. “А ну, рыжий, подвинься, клавиатура – не место для твоего хвоста!” – потеснил кота хозяин. Цезарь с грацией наевшегося зверя пробежался по клавишам, столкнул на пол книги и был таков.

Экран компьютера заметался, замигал сменяющимися окнами и открылся на розовом в сердечках сайте знакомств. На Сергея обрушился каскад девиц: красавиц, прелестниц, симпатичных и просто умных. Он с равнодушием пролистал пеструю ленту: высокомерных и улыбающихся, демонстрирующих стройные ноги, прячущих жирные тела в утесах, с гиалуронкой в губах и претензиями к мужчинам в голове.

“Что за Ира? Гмм.. город Тургадан...” Милые русые кудряшки вокруг лукавых глаз, открытая улыбка, изящная шея. Насмешливая и естественная, никакого желанья понравиться или произвести впечатление.

“Привет, красотка! А пока ты обнаруживаешь мое сообщение, я пойду вздремну.”

3. Незнакомец

Требовательный звонок в дверь ритмично сверлил мозг. Тяжелый сон рассеивался. Реальность безжалостно будила резкими звуками и ослепляющим светом.

Сергею снилось, что он на вызове. Пытается прослушать пациентку и ничего не слышит: ни дыхания, ни сердцебиения. А полураздетая девушка, наклонив голову набок, молча смотрит на него зелеными влажными глазами и большими напряженными сосками. Изотов накрыл голову подушкой. Сон или реальность? Что менее ужасно?

Звонок разрывался, будто точно знал, что его слышат. Какого черта? Сколько времени? Мне сегодня на сутки? Я опоздал? Сергей медленно сел, опустив ноги на пол. Пушистая игрушка Цезаря запищала под пяткой. Свет бил в глаза, в голове медленно рассеивался туман. Что за бестактная настойчивость? Кто это может быть?

За дверью оказался толстый неприятный тип с гладкой лоснящейся лысиной. Он суетливыми глазками прощупал Сергея сверху вниз и сказал:

– Здравствуйте. Я могу увидеть Розу Викентьевну?

– Нет, не можете. Она умерла. А что вы хотели? – спросил Сергей.

Повисла растерянная пауза. Толстый прижал к себе потертый портфель, облизнул пухлые губки и поинтересовался:

– А вы? Вы кем ей приходитесь?

– Я ее сын. А что, собственно, произошло? – стал раздражаться Изотов.

– Если вы не возражаете, я бы хотел с вами переговорить... Вы разрешите пройти? – не сдавался толстый.

Сергей пригласил гостя в комнату и только сейчас понял, что он в одних трусах, а в квартире царит беспорядок и гостю некуда даже присесть. Изотов быстро сгреб в охапку разбросанную одежду, подушки, плед, все что смог унести и хоть как-то освободить пространство.

– Извините, я после ночного дежурства, не ждал никого, – смутился он, – располагайтесь.

Когда Сергей вернулся, толстый сидел на краю стула, обнимал портфель и внимательно разглядывал корешки книг на полках. Несуразный, будто собранный из несочетаемых деталей. Помятый костюм был ему тесноват, пиджак застегнут на все пуговицы и оттопыривался в складках на животе. Брюки явно коротковаты и, возможно, даже не от этого костюма. Все свое напряжение гость перенес на старый облезлый портфель.

Незнакомец водрузил на нос тяжелые очки в роговой оправе, слишком старомодные для его возраста, и начал:

– Меня зовут Леонид Маркович. Я работаю в Музее этнографии. Роза Викентьевна сотрудничала с нами, мы ей многим обязаны... Как жаль... мои соболезнования...

Сергей знал, что мама передавала музею какие-то привезенные из экспедиций артефакты, национальную одежду, украшения, проводила лекции. Он даже помнил директора музея, приходившего на похороны, молчаливого, интеллигентного, в строгом костюме высокого мужчину.

Но этот толстый, с капельками пота на блестящем лбу, звучал совсем неубедительно. Изотов молчал и ждал. Он стоял, оперевшись спиной на косяк двери, сложив руки на груди, и наблюдал.

Гость, почувствовав неловкость, стал витиевато рассказывать о вкладе маминих работ в науку, о плодотворном сотрудничестве. И тут Изотов воскликнул:

– А как поживает Иван Иванович? Большой привет ему!

– Иван Иванович?... – толстый растерялся. – Д-да-да... – стал заикаться он, – отлично поживает... Спасибо...

– Ой, я, кажется, ошибся. Как же.. Иван Петрович! Ваш начальник, директор музея, – демонстративно исправился Сергей.

– Ах, ну да, конечно! Как же! Иван Петрович! А я и не понял сразу... – гость деланно засмеялся. Он одной рукой отпустил свой портфель, достал из заднего кармана носовой платок, снял очки и вытер капельки пота со лба.

– Так что вы хотели, Леонид Маркович? – взял инициативу Сергей.

– Видите ли... Роза Викентьевна участвовала в экспедициях, встречалась носителями культуры народов Севера. Ею было собрано огромное количество интересного материала, – он сделал паузу и отвел глаза. – М-м-м... Нам было бы невероятно жаль, если все это будет утеряно. Я бы хотел попросить вас передать нам ее архив, – толстый закашлял в пухлый кулачок. – А возможно... продать...

– Архив? – удивился Сергей, – мама все передала музею. – Дома ничего не хранится. Если и были какие-то материалы, то не так много. И мама публиковалась. Все, что она могла, она уже передала. В своих статьях, в лекциях. Я не понимаю о чем вы говорите.

– В том-то и дело, что не понимаете. Роза Викентьевна брала интервью, ей могла быть известна важная информация. А ее дневник? Она что-то писала? – еще больше заволновался Леонид Маркович.

– Да ну перестаньте! – Сергей стал раздражаться. – Что там могло быть уникального? Посмотрите ее отчеты об экспедициях и статьи. Там все. Какой еще дневник? Она не занималась самокопанием.

Гость встал и подошел к Сергею так близко, что между ними остался только потрепанный портфель, который толстяк по прежнему прижимал к себе. Изотов почувствовал его несвежее частое дыхание и легкую вибрацию измученного тревогами и бессонницей сердца.

– И все же, – тихо начал гость, выделяя каждое слово, – я убедительно вас попрошу поискать. Во время последней поездки она брала интервью у шамана Тамнара. Это очень важно. Возможно, вы найдете карту. Карту Плато Путорана.

Гость смотрел на Сергея снизу вверх, галстук сбился набок, очки перекошились. Изотову ситуация казалась странной и даже комичной. Он не выдержал и рассмеялся гостю в лицо:

– Какую еще карту? Вам карту плато может наугадить любой школьник! И кто вам мешает самому встретиться с вашим шаманом?

Толстяк надулся, покраснел, часто задышал раздутыми ноздрями и прошептал:

– Тамнар умер!

Сергея уже стали утомлять и этот разговор, и такое близкое соседство к странному гостю. Изотов бесцеремонно отодвинул его от себя, прошел в комнату и сел в кресло. Он вспомнил, что маму окружали разные люди, были историки, фанаты своего дела, со своими чудачествами и странностями. И ему стало жаль толстяка.

– Вы бы на здоровье внимание обратили: гипертония у вас, сердце больное, – сказал Изотов, по возможности, мягко, – какое вам Плато Путорана? До кардиолога хотя бы дойдите.

Леонид Маркович встrepенулся, вытянулся, щеки покраснели. Он пытался что-то ответить, но пухлые губы по-рыбьему ловили воздух, а глаза выдавали испуг.

– Это вас не касается, – наконец выдал он.

Не найдя, что добавить, гость резко махнул рукой и ушел.

4. Максим Босой

– Ты не понимаешь своего счастья, Серега, – Максим, вздохнув, откинулся на спинку кресла и посмотрел в окно на вечерний город. – У вас уже одуванчики зацветают, а в Тургадане сейчас лежит снег.

Официант принес очередную порцию пива. Фирменное блюдо с головокружительным ароматом мяса гриль было почти уничтожено. Сергея слегка развезло, уже прошла первая эйфория от принятого алкоголя, и стало накатывать угрюмое послевкусие.

В обычный будничным вечер кафе пустовало. Одна влюбленная парочка по соседству шепталась за вычурным букетом, да трое в галстуках деловито беседовали в конце зала. На улице шумели машины, люди спешили домой, зажигались первые огни. А здесь было тихо и полумрак рассеивали одинокие круглые светильники над столиками.

– И что тебя понесло на север? Оставался бы здесь, – начал свои традиционные упреки Изотов.

Максим Босой, а для друзей – просто Мак, устало поморщился от набившей оскомину темы. Он тонкими нервными пальцами обхватил кружку пива и с наслаждением опустошил половину. Привычно прищутив близорукие глаза за толстыми линзами очков, он меланхолично разглядывал движущиеся за окном огни. Желтый свет за спиной превратил его мелкие соломенные кудри в золотистую ауру. И Мак, худой и высокий, устало согнувшийся в кресле, походил на одинокий сломанный одуванчик.

– Ты же понимаешь. Работа. Я не могу бросить отделение, – вымолвил он.

С Максом Сергей познакомился в далеком первом классе, когда родители дружно привели их в бассейн. Сергей боролся с частыми простудами, а Макс укреплял сколиозную спину. С тех пор они были неразлучны. Олимпийских высот им достигнуть не удалось. Правда, Сергей, немного еще поборолся за честь школы. Но Макс уверенно плелся в конце заплыва.

Спорт и девушки никогда не были сильной стороной Максима. За отрешенную сутулую усидчивость над книгами и толстые очки он прослыл безнадежным “ботаником”. Повзрослев, Макс стал интереснее, спина вытянулась, очки украшали прямой греческий нос, а в голубых глазах поселился насмешливый огонек. Но с девушками он был по-прежнему отстраненно учтив. В больших компаниях отмалчивался и Изотову приходилось брать на себя роль ведущего затейника. В кругу близких друзей Макс оживал и раскрывался, он становился красноречив, азартен, а начитанность делала его интересным и ярким рассказчиком.

Когда Макс и Сергей выбрали одну профессию и пошли в медицинский институт, никто даже не удивился. Все привыкли, что “эти двое” всегда вместе. Первые два курса давались нелегко: анатомия, латынь, гистология отнимали все свободное время. Макс жадно поглощал информацию и выдавал поистине глубокие знания. Сергей скорее подтягивался за другом,

выскальзывал из затруднительных положений благодаря интуиции, быстрой реакции и схватыванием на лету.

К третьему курсу жизнь устоялась, и изнурительный учебный марафон стал превращаться в легкую пробежку со студенческими тусовками и флиртом. Сергей пользовался успехом у однокурсниц. Не без помощи серых внимательных глаз, проникающих в самое сердце, и широкоплечей фигуры пловца. Девушек привлекали его остроумная находчивость и легкая небрежность в общении. Но это не было внутренним состоянием, а скорее роль для веселой студенческой жизни. Он по-прежнему любил тихие посиделки с другом, прерываясь иногда на легкие романы с блондинками.

К Маку тянулись редкие интеллектуалки в очках, слегка занудные, зашоренные внутренними рамками и правилами. Изотов считал их скучными, но Мак говорил: «Они ничем не отличаются от твоих блондинок, разве что немного другие границы».

Беззаботная студенческая жизнь нарушилась отчислением Мака. Эта история впоследствии вошла в анналы института и ею еще долго пугали первокурсников. Для Мака были характерны едкие внезапные замечания или шутки на фоне плохого молчаливого настроения. Близкие друзья к этому привыкли и не реагировали. А мало знающие Мака обижались.

В этот раз жертвой недоброй шутки стала преподаватель внутренних болезней – монолитная категоричная дама со сложной женской судьбой. За странную прическу с высокой шишечкой на макушке нерадивые студенты прозвали ее Папилломой. Она любила заваливать симпатичных студенток на ситуативных задачах, где необходимо по симптомам поставить диагноз и назначить лечение. Задачи не всегда были однозначны, а зачастую и спорны.

Все случилось в тяжелый понедельник. Максим Босой в письменном зачете по внутренним болезням решил пошутить. В задаче женщине с яркими симптомами неврастения он прописал – *penis* два раза в день. То ли Папиллома была с пуританскими взглядами, то ли приняла насмешку на свой счет, но, имея родственные связи в деканате, она поставила вопрос об отчислении Босого на педсовете.

После той судьбоносной истории Мак уже не вернулся в институт. Он окончил медицинское училище и, получив диплом фельдшера, решил, что с него хватит. Родители Мака, интеллигентные люди, долго уговаривали его продолжить учебу, но Максим был уперт и пошел работать на «скорую помощь».

Изотов присоединился к нему после института, и друзья снова воссоединились. Работа на «скорой» – это особый вид искусства. Там, в условиях кровавого экстрима, когда ты не знаешь, что ждет тебя за дверью квартиры, в темном подъезде, на ночной дороге, человек раскрывается быстро и безошибочно. Мак и Сергей стали одной сработанной и притертой друг к другу бригадой.

Все бы так и осталось, не проснись в Маке школьный «ботаник». Мак решил, что устал от людей и решил заняться наукой. Страсть к новым знаниям затянула его на биологический факультет. Отныне Максим Босой всерьез и надолго занялся изучением нейронов и серого вещества. А потом уехал в далекий город Тургадан, где ему предложили место в Институте физиологии и морфологии мозга.

С тех пор Изотов виделся с Маком регулярно два раза в год: на Рождество – тот приезжал к отцу, быстро постаревшему после смерти жены, и в мае – когда Мак отмечал день рождения.

– Что там такого ценного в твоём отделении, что ты готов терпеть холод и полярную ночь? – нарушил молчание Сергей.

– Понимаешь, все не так просто. Человеку, не погруженному в эту кухню, сложно так вот понять, с разбега, – ответил Мак.

– Возможно, я и глупее тебя, но немного в физиологии мозга тоже разбираюсь.

– Вне всяких сомнений. Но, Серега, чем больше я узнаю, тем больше у меня возникает вопросов, на которые я не нахожу ответов. Твои способности... Кто знает, возможно, ты бы и смог мне помочь.

– Мои способности, Мак? Как мне помогли мои способности, когда заболела мама? Я у себя под носом не разглядел очевидного! Если бы все было вовремя, кто знает... Может, она сейчас была бы жива... – Сергей замолчал и опустошил свою кружку пива.

– Чувство вины – не самый лучший спутник. Давай смотреть на вещи реально. С таким диагнозом ты бы не смог ее вытащить.

И тут Мак оживился:

– А я тебе предлагаю возможность суметь предотвратить трагедию. Тогда, когда человек уже на краю, но еще не поздно и есть шанс.

– Перестань, Мак. Я и здесь даю людям шанс вырваться из ямы, в которую они себя затащили. Несколько-то из них уж точно обязаны мне жизнью. А уж на краю они или нет, об этом мы можем только догадываться, – махнул Изотов рукой.

– Боюсь, что можем уже не догадываться, а знать точно. И от этого знания мне становится не по себе, – задумчиво сказал Мак.

– О, Мак! Неужто ты Вангу взял к себе в штат? – рассмеялся Изотов, – И на кой черт человеку это знание? Чтобы убить надежду? Спроси у любого, хочет он знать, что завтра умрет?

Сергей огляделся вокруг в поиске подтверждения своих слов у окружающих и внезапно застыл. Он встретил оценивающий взгляд из глубины зала. Оказалось, все разошлись, погасли матовые светильники, музыка уже не играла уютным фоном и было тихо. В зале царил полумрак, фары проезжающих машин ритмично выхватывали из темноты одинокий силуэт за дальним столиком.

«Странно, – подумал Сергей, закрыв лицо ладонями. – Хотя, что странного? Сидит мужчина неопределенного возраста. Пьет кофе. Ну и что? Поздно уже. Пора уходить. Счет. Надо попросить счет. Что странного? Глаза? Желтые глаза!»

Изотов открыл лицо. В луче света мелькнул пустой зал и легкая дымка над чашкой на дальнем столе.

После душного кафе на улице казалось особенно прохладно. Вечерний ветер, еще повесенному свежий, прояснил голову. Мак медленно шел чуть впереди, неуклюже перепрыгивая лужи. Прохожих почти не было. Желтый светофор мигал на перекрестке. Мокрый асфальт отражал неоновые вывески.

– Мак, – окликнул Сергей. – Я и забыл совсем! Мне надо к соседу зайти, укол поставить. Пошли, познакомлю вас.

– Сергей, не звони, неудобно, поздно уже для гостей, – тихо сказал Мак, остановив руку Изотова у звонка двери Степаныча.

– Да он не ложится рано. И мы договаривались, что я зайду, – ответил Сергей, но все-таки послушался Мака и постучал.

За дверью было тихо.

– Ну вот, пошли. Спит он уже, завтра зайдешь, – тянул Мак Сергея домой.

– Да не может быть. Он просто плохо слышит, – и Изотов снова постучал, уже уверенней. Никто не ответил.

– А если ему плохо стало? – не унимался, еще полностью не протрезвевший, Изотов и стал громко, не переставая, стучать в дверь кулаком.

На этот раз дверь поддалась и со скрипом приоткрылась.

– Ну вот, я говорил, что он меня ждет. Не закрылся. – Изотов быстро прошел в темный коридор, включил свет и обомлел.

Он увидел пустую квартиру с голыми стенами и выцветшими желтыми обоями, которые кто-то уже начал срывать. Лампа грустно мигала, освещая деревянную дверь с облупившейся краской. Изотов быстро прошел в комнату, но там были те же голые стены и мутное окно с треснутым посередине стеклом. В углу стояло большое пыльное зеркало с отбитым сверху углом. Сергей прошел в середину комнаты, оставляя следы на толстом слое пыли и штукатурки. Он встал и в недоумении развел руки. Здесь явно давно никто не жил.

– Ты не ошибся квартирой? – спросил Мак, встав в дверном проеме и внимательно рассматривая комнату.

Изотов выскочил в подъезд и вернулся: «Нет, Мак, третий этаж, девятая квартира. Если только мы с тобой оба ошиблись и зашли не в мой дом».

Снаружи слышались старческие медленные шаги и входная дверь закричала. Друзья замерли в ожидании. Сухой надсадный кашель прервал тишину. «Кто здесь расшумелся на ночь глядя?» – захрипел старческий голос. Из темноты возникла маленькая бабушка в махровом халате, грозно размахивая деревянной тростью.

– А, это ты Сереженька! Напугали меня. Слышу, стучит кто-то. Думала чужие какие зашли, – сказала бабушка и опустила трость. – А что вы тут делаете? Заблудились с пьяну? – скрипуче засмеялась она.

– Баба Вера, а где Степаныч? – спросил Изотов. – Куда он делся? Съехал что ли? И меня не предупредил?

– Кто? У нас таких нет в подъезде. Вы, ребята, идите, проспите. Нашли время людей беспокоить.

– Баба Вера, ну как же? Степаныч! Здесь жил. Я ему уколы заходил делать, – не успокаивался Сергей.

– Сереженька, ты же, вроде, не пил столько раньше? – изумилась бабушка. – Бог с тобой! Кому ты тут уколы делал? Тут три года, как не живет никто!

– Нет, баба Вера, вспоминайте! Степаныч! Астмой еще болеет. Я только вчера заходил к нему.

– Не знаю, к кому ты заходил. Но здесь три года как Тамара померла. Сын тогда объявлялся у нее. Хотел тут ремонт начать, да так и заглохло все. Неблагополучный он, – махнула бабушка рукой. – С тех пор квартира и простаивает.

Изотов просто замер в изумлении, не зная, что ответить. Мак пришел в себя, толкнул Сергея к выходу и быстро произнес:

– Пора нам, баба Вера. Мы что-то потерялись с Сергеем сегодня. Спокойной ночи.

– Да вот и я смотрю. Отдыхать вам пора, ребята. Работаешь ты много, Сереженька. И вам не хворать...

– Нет, Мак, это что было? Ты что-то понимаешь? Я сейчас... Ты проходи. Я чай поставлю. Покрепче... Да, черт возьми! – споткнулся Изотов о ничего не подозревающего Цезаря, крутящегося под ногами.

– Да, кажется, понимаю, – задумчиво произнес Мак и огляделся.

Он давно не был в этой квартире. После смерти Сережиной мамы ничего не поменялось. Легкий творческий беспорядок был и при Розе Викентьевне. Разве что не заправленная постель, да горы неприкаянных футболок и носков. Остались все те же забавные статуэтки, старомодный абажур с бахромой у дивана, декоративные разноцветные подушки, занавес из бус в дверном проеме. Мак ностальгически вздохнул и пошел на кухню.

– Ой, только не говори, что я выпил лишнего. Или что мне все приснилось. Я не настолько еще...

– Кстати, твой Степаныч... Расскажи мне о нем... – перебил его Мак.

Изотов возбужденно и сбивчиво начал рассказывать о Степаныче. О его астме, о посиделках с ним, о разговорах про маму. А Мак слушал и потягивал горячий чай. Иногда Мак прерывал Изотова: “А как выглядел Степаныч? Какая была обстановка в квартире?” Сергей все рассказывал: и про старую мебель, и про книги в углу, и про пустой холодильник. А Мак слушал и переспрашивал подробно: “А были ли родственники у соседа? А выходил ли он на улицу?” А сам все слушал задумчиво и попивал чай.

– Ну что ты все молчишь? – не выдержал Изотов.

– Сережа, ты послушай меня внимательно, – начал Мак. – И постарайся вникнуть. Это не сразу поддается пониманию. Особенно для такого материалиста, как ты.

– Что за прелюдии, Мак?

– Степаныча на самом деле не существует, – Мак сделал паузу и посмотрел на реакцию Изотова.

Сергей ухмыльнулся и только набрал в легкие воздух, чтобы возразить, как Мак продолжил:

– И в то же время он есть. Ты просто мне поверь. Я занимаюсь мозгом не первый год. Степаныч – видимая часть чужого ментального мира. Есть люди, обладающие способностью свой внутренний духовный мир делать реальным, осязаемым. Чем-то, что можно потрогать, услышать, понюхать. Мы их называем интралами. Ну а сам этот объект, куда тебя запустил твой Степаныч, – интрум.

– А я у вас как называюсь? Алиса в Зазеркалье? – съехидничал Изотов.

– В интруме можно увидеть все прошлое человека. – Мак продолжал, не реагируя на замечание. – Все, что он помнит и пережил, весь его жизненный багаж: старые прочитанные книжки, любимые люди на фотографиях, сломанные детские лыжи, запылившееся пианино. Все, что у интрала в памяти, он может материализовать в своем интруме. Тебе его интрум кажется материальным, реально существующим объектом. Но на самом деле ты находишься в нем в своем воображении. Или в воображении Степаныча, если быть точным.

– Мак, ты наукой занимаешься или эзотерикой? – не унимался Изотов.

– Я же говорил, тебе: есть много тайн, которые я не в силах разгадать, – вздохнул Мак.

– Допустим, что это правда. И твои интралы существуют, – включил свою логику Сергей. – Но тогда зачем ему, этому интралу, запускать к себе чужого человека?

– Да, надо сказать, это довольно рискованный поступок. Не каждый запустит к себе в душу потоптаться и покурить. Ведь в интруме нельзя соврать и притвориться. Обычно эти люди пропускают в свой мир, чтобы сообщить что-то важное. Но по каким-то причинам они не могут встретиться с тобой лично.

Мак замолчал и отпил свой чай, давая Сергею все осмыслить. Изотов встал и подошел к окну. Город медленно засыпал. В окнах гасили свет, кто-то пытался приткнуться свой автомобиль на заполненной парковке, в пустом дворе тихо скрипел на качелях съездившийся от холода паренек.

– Получается, я Степаныча смогу еще встретить? – прервал молчание Изотов. – Ну, где-нибудь в метро, например?

– Теоретически, возможно. Но ты его можешь не узнать. Ведь древний старик в своем интруме, в глубине души, может быть молодым человеком.

– И все же, как я могу догадаться, что я в интруме? – задумался Сергей.

– Чем человек ярче и сильнее ментально, тем труднее отличить реальность от воображаемого. Но есть особенности, – заметил Мак. – Нельзя, например, ничего забрать из интрума и унести с собой. Ведь этого предмета не существует в реальности. И, как я уже говорил, интрал не может сымитировать или обмануть. Твой Степаныч наверняка болеет астмой и в реальной жизни.

Изотов замолчал и задумчиво посмотрел в темноту за окном. Парень во дворе встал и ушел. Качели еще скрипели и разговаривали с качающимся на ветру фонарем.

5. Ира

Изотову в ней нравилось все. И ее имя – Ира – мирное и редкое. В его окружении никого так не называли. И то, что она из загадочного Тургадана, куда тянуло, и о котором так много рассказывал Мак. И от этого Сергею казалось, что именно там и есть нечто, чего он еще не знает, и потому только там живут такие девушки, как Ира. Ему нравилась ее наивность и открытость, обрывочная, оставляющая тайну. Ему нравились ее смеющиеся глаза, зеленые, как оказалось. Он где-то читал, что этот редкий цвет глаз встречается только у двух процентов населения Земли, преимущественно на севере. И от этого далекий Тургодан становился еще более уникальным и привлекательным.

Ему нравился изгиб ее спины под тонкой кружевной сорочкой на фото, которое Сергей уговорил ее сделать. И она милостиво согласилась, не пуская в кадр лукавый взгляд и хитрую улыбку. Но Изотов догадывался, что она смеется. Вечером, когда он желал ей спокойной ночи, Ира просила фото его рук, перекрещенных на груди. Она считала это эротичным. И Сергей знал, что таких девушек больше не существует.

Она могла весь день шутить, а вечером грустить. То она мечтала о встрече с ним, то говорила, что они слишком разные. Утром она любила свой Тургодан, а вечером хотела уехать. Сергей всегда видел ее настроение. По резкой перемене темы, по обрывистости фраз, по непоставленной точке. Он чувствовал в ней нервозность, неустроенность. Но Ирина никогда не углублялась в свою жизнь.

«Ты спрашиваешь: какой Тургадан, не тоскливо ли нам здесь в полярные ночи, какие здесь люди? – писала Ира. – А я в который раз прихожу к мысли, что есть все-таки разница между людьми, которые выросли, глядя в окно на заводские трубы, и теми, кто с детства смотрел на архитектуру Растрелли. Это разница между нами, Сереженька. Поймешь ли ты Тургадан, понравится ли он тебе? Поймешь ли меня?»

Наши спальные районы считаются серыми и безликими, но это не так. У каждого дома своя мозаика окон и балконов. У дома на перекрестке Metallургов и Ленина грязный фасад с деревянными глазами окон. И сразу видно, что люди там надеются уехать, живут ожиданием и не стремятся что-то изменить. А дом на Комсомольской оптимистичней. Он подмигивает белыми пластиковыми рамами и разноцветными жалюзи. Здесь ничего не ждут. Здесь стараются жить сразу.

Если б ты знал, как я устаю от людей. Они как муравьи, лезут в глаза, уши, за шиворот, в душу».

А на следующий день она могла написать: «Ты знаешь, как пахнет одиночество? Это вовсе не запах пыли в запертой комнате и не запах старых вещей, забытых на балконе. Это когда ты в новой юбке на дискотеке, а мама тебе дала свои любимые духи для особых случаев. Они пахнут торжественностью и раздражающей тоской. Потому что ты с этим запахом всегда одна. Неважно, стоишь у стеночки или танцуешь в безликой толпе, потому что твой одноклассник тебя снова не заметил. Эти духи – «Злато скифов» – они состоят из чувства неразделенной любви, оглушительной музыки в ушах, дискотечного дыма и отчаянного ощущения пустоты вокруг себя. Я не знаю, кто мог придумать такой запах. Но это запах возвращения домой, пустого автобуса, позднего мигания светофоров. Запах рухнувшего ожидания».

Изотов замечал в Ирине смятенность и беспокойство, скрываемые игривыми шутками и подтруниваниями. Он чувствовал в ней необычность и остроту восприятия мира. И он точно знал, что с ней будет непросто и что таких он еще не встречал.

6. Визит полицейского

Резкий звонок в дверь застал Изотова за приготовлением завтрака. Желтоглазая яичница шкворчала на сковородке, разливалась пузырящимся белком, обходя островки румяной ветчины. Сергей проглотил слюну и неохотно пошел открывать дверь.

– Здравствуйте! Старший лейтенант Бузукин! – бодро сообщил о себе высокий ясноглазый блондин в штатском и открыл красные корочки удостоверения.

«Этого мне не хватало», – подумал Сергей и невнятно поздоровался.

– С Розой Викентьевной я могу поговорить? – продолжал старший лейтенант, не теряя энтузиазма.

«Еще лучше» – нахмурился Изотов и произнес:

– Она умерла. Полгода назад.

– Вот как? – недоуменно повел широкими плечами Бузукин. – А вы? Родственник?

– Сын. Что вы хотели? – Изотову все это не нравилось.

– Разрешите пройти? Мне надо с вами поговорить.

Сергей отстранился, пропустив полицейского внутрь.

Бузукин по-хозяйски осмотрелся, как человек, умеющий работать в любых условиях. Он выбрал кресло у журнального столика и уселся, деловито открыв на коленях тонкую серую папку.

– Вам знаком это человек? – протянул он фотографию.

Тревожный взгляд, гладкая лысина, пухлые губы. Изотов узнал его:

– Он заходил с неделю назад. Это бывший мамин коллега. Работник музея этнографии. М-м-м... Леонид Маркович, если я не ошибаюсь... – вспомнил Изотов.

– Не ошибаетесь. Только Леонид Маркович не работал в музее этнографии. Он из Тургадана. Архивист... эээ... – старший лейтенант подсмотрел в тонкую папочку, – Института физиологии и морфологии мозга.

Изотов был удивлен, но не лжи странного архивиста. Что архивист лукавит, Сергею было понятно сразу. Изотова поразило совпадение. Ведь в этом же институте работал Макс Босой, которого он буквально вчера отвозил в аэропорт. Мак возвращался в Тургадан.

– Он что-то натворил? – спросил Сергей.

– Натворил – не совсем подходящее слово. Он умер, – буднично произнес старший лейтенант, возвращая фотографию в папку.

Изотов, тоже отчасти привыкший к смерти, отметил про себя, как равнодушно полицейский сообщил о ней. Но смерть архивиста огорчила Сергея. Ему стало жаль этого нелепого толстяка, потратившего свои последние дни на нервную суету.

– Сердце? – сразу пришло на ум Изотову.

– Почему вы так решили? У него действительно было больное сердце, как показало вскрытие. Но умер он не от этого.

Вдруг Цезарь, до этого спокойно созерцающий жизнь пернатых на подоконнике, внезапно издает вопль, прыгает на столик у дивана, резной, винтажный, уставленный изящными фигурками, и смачно роняет мамину шкатулку. Ее содержимое – бижутерия, открытки, визитки – разлетаются разноцветным фейерверком. А кот, промчавшись по верхушкам дивана, кресел, оттолкнулся в полете от плеча полицейского и скрылся в коридоре.

Старший лейтенант от неожиданности подпрыгнул, папка из его рук взлетела, нарисовала в воздухе изящную дугу и выпустила белоснежным веером листы бумаги. Сергей в недоумении кинулся собирать разбросанные вещи, а полицейский – выхватывать в воздухе, не успевшие приземлиться, документы. Полицейский и Изотов немного потоптались, мешая друг другу. Бузукин протянул флешку, розовую на цепочке из белых перламутровых бусин:

– Вот. Ваше.

– Мое? – удивился Сергей.

– Ну уж точно не мое, – рассмеялся Бузукин.

Недоразумение с котом смягчило официальный тон беседы, обстановка разрядилась. Старший лейтенант расслабился, откинулся на спинку кресла и поделился:

– Жаль этого архивиста. Смерть такая нелепая. Представляете, в гостинице, где жил этот несчастный, ремонт шел на крыше. И надо же было рабочему уронить инструмент сверху именно тогда, когда пострадавший выходил на улицу. Это формальность, но мы должны исключить... недоразумение... умысел. Проводится расследование. А в его вещах была обнаружена визитка вашей матери. Вот я и пришел с ней пообщаться. Может, вам что-то известно? С какой целью он приехал?

– Да я и сам толком не понял ничего. Он расспрашивал о маминых работах. Очень странно себя вел. Сильно нервничал... Но я ему ничем помочь не смог.

– Мдааа... Печально... Ну что ж. Тогда не буду отнимать у вас время. Спасибо за помощь. – И старший лейтенант направился в выходу.

Изотов проводил полицейского и вернулся на кухню. Завтрак уже остыл. В руке Сергей по-прежнему крутил на перламутровой нитке розовую флешку. Он налил кофе и вернулся к компьютеру.

“Да... никогда не видел такую у мамы. Хотя, откуда мне знать. Вполне возможно у нее и была такая.” Размышляя, он вставил флешку в компьютер и открыл. На мониторе высветились несколько файлов: видео, фото и текстовых. Изотов просмотрел фотографии. Ничего особенного, мама с коллегами. Одна фотография была плохого качества с изображением карты. Карты Плато Путорана. На бумажной, явно потрепанной карте, четко просматривались нарисованные красные флажки. Изотову все это было непонятно, и он открыл видео.

Послышались голоса, чьи-то шаги. Съемка, видимо, велась с мобильного телефона. Кто-то держал его в руке. Камера сфокусировалась на деревянном полу. Голос пожилого мужчины, с хрипотцой, сильный, строгий, но располагающий, произнес:

– Да ты не стой на пороге. Дух очага этого не любит. Либо зайди, либо выйди.

– О, нет, теперь я никуда от вас не уйду! – ответил женский голос, до боли нежный, тревожащий душу. – Не для этого я так долго ждала вашего возвращения, Тамнар.

Видео задвигалось, замигало красками, показался ковер с красным узором, синие подушки.

– Ну а если человек не верит в духов, они помогут ему? – продолжил знакомый голос.

Мама! Это же мама! Изотов припал к экрану.

– Вера должна быть безапелляционной. Иначе, зачем идти к шаману? – ответил Тамнар.

Возникла пауза. Видимо, гостя прошла внутрь помещения. На видео показались движущиеся тени. Камера выхватила витой синий узор дивана и замерла на белом куполообразном потолке.

– Я вас иначе представляла, – продолжила мама.

– А вы думали, если шаман, то старец, седая борода и бубен? – хрипло засмеялся Тамнар.

– Да, существуют некие стереотипы, – по голосу было слышно, что она улыбается.

– Конечно, наша атрибутика необходима. Но шаманизм – прикладная наука. Все, что есть в пространстве, я могу использовать в ритуале. Даже, если нет бубна или колокольчика, я могу связаться с духами напрямую. Атрибутика – дань уважения к предкам. Она придает красочность обряду. Но шаман – всегда шаман.

Послышался звук зажигания спички и, вероятно, раскуривания трубки. На экране показался кудрявый серый дым. Видимо, телефон лежал где-то рядом с собеседником. Шаман продолжил:

– Мне есть, что тебе сказать. Но сначала – что ты хотела спросить?

– С вами тяжело встретиться. Вы возвращаетесь с Плато Путорана только раз в год. А некоторые говорят, что можете и не вернуться. Что вас так манит туда? Или держит там?

– Ко мне приходят отчаявшиеся. Я ухожу договориться за них.

– Но подождите... Да, согласно вашей вере, вы посредник между духами и людьми. Но вы сами сказали, чтобы обратиться к духам, вам не нужна атрибутика. И, насколько мне известно, шаман может это сделать из любой точки на карте.

– Я хожу не к духам. Это территория не принадлежит нам. Там хозяева местности, владеющие нами и временем. Я не могу их вызвать. Я должен сам к ним прийти. Там те, кто сильнее меня.

– Как вы их находите? Как они выглядят?

Раздался кашляющий смех. Трубка запыхтела, за клубился дым.

– Выглядят так, как ты сам хочешь. Не я нахожу. Они меня. Там густой плотный туман. Холодно и влажно. Я иду на туман. Но мало их найти, надо еще уйти от них. Если выпустят. Свет свечи помогает мне выйти оттуда.

– Но почему бы человеку самому не пойти и не попросить за себя?

– Пойти можно. Найти нельзя. Он пройдет сквозь туман и не встретится с ними, если они этого не пожелают. Но не все в моих силах. Иногда люди идут сами поговорить. Оттуда они либо не возвращаются совсем, либо не возвращаются прежними. Тебе туда зачем? Ты не отчаявшаяся. Я вижу.

– Я этнограф, историк. Это моя работа: собирать информацию, ходить в экспедиции, встречаться с представителями разных народов.

– Это не народ Земли. Не ходи. Женщине не место в горах. Она должна быть у подножья. Хозяева гор – мужчины. Гора – голова. По голове ходить женщина не должна.

– Зачем они вам помогают?

– Они ведут нас. Ответственны за нас. Но это не ваш Бог, который милостив ко всем. Мы для них неодинаковы. У каждого свои роли и они их распределяют.

– Как они решают, какая роль у меня, какая у вас?

– Вот это мне неизвестно. Но они помогают, куда им это нужно. А потом бросают.

– Что значит бросают?

Шаман опять кряхтя посмеялся и сказал:

– Значит, не интересен ты им больше. Все. Отработал. Твой жизненный путь закончен.

– И уже ничего нельзя поправить?

– Если решение принято, уже ничем не поможешь. Запущен финал судьбы. Но есть промежуточные. Кто на перепутье и по нему еще не приняли решение. Можно помочь, если на распутье.

– Таким вы и помогаете?

– Не только. Мертвые там есть. Находятся какое-то время. Я могу передать важное. Если не успели.

– Почему для этого выбрали именно вас?

Тамнар покашлял, снова раскурил трубку и ответил:

– Да кто ж их знает... Я так думаю, должно быть у них здесь «око» свое. Приглядывать. Вот они и выбирают кого-то. Удобного им. Ведь нужно как-то ситуации создавать. Направлять. Случай и время в их власти.

– А для себя? Для себя вы что-то спрашивали у них?

Шаман рассмеялся и ответил:

– Ко мне люди приходят, доведенные до крайности. Им никто не поможет. Кроме меня. А я что? По мне решение принято.

Тамнар попыхтел трубкой и добавил:

– И по тебе...

Здесь картинка сместилась, послышались треск, шум. Изотову показалось, что телефон упал на пол. И тут же видео прервалось.

Изотов любил свой диван. Преданно и нежно. Он любил на нем читать и размышлять, строить планы, продумывать ходы. Он прикипел к своим подушкам, удобных для шеи и остеохондроза, удобных для ног, устающих на работе после суточной гонки по этажам. Кот Цезарь вдохновенно разделял эту любовь.

Вот и сейчас Сергей комфортно устроился на диване, закинув руки за голову, и задумался. Не слишком ли много суеты вокруг меня в последнее время? Хотя, почему вокруг меня-то? Вокруг мамы. Опять нет. Скорее вокруг Института в Тургадане и плато Путорана. Зачем этому бедному архивисту, Леониду... как его там... понадобился шаман? Он что? Знал, что ему кирпич на голову прилетит и хотел договориться? С этими... чудесными волшебниками на плато? Которые управляют кирпичом? Бред...

И Мак тоже. Эти тайны его института. Этот интрум. Розыгрыш какой-то. Если это правда, то почему Степаныч мне ничего так и не поведал страшно секретного? Отстроил этот виртуальный мир, чтобы со мной коньяк попить?

Тут взгляд Сергея остановился на белом листе бумаги на полу. Он скромно лежал под столом, кокетливо выставляя уголок. Вероятно, лист был не замечен полицейским. Изотов подскочил, схватил лист и начал его изучать.

Это были результаты какого-то медицинского обследования. Институт физиологии и морфологии мозга. Пациент – Марин Леонид Маркович. В изобилии графиков, диаграмм и схем Изотов не смог разобраться. Это показатели работы головного мозга, с которыми он явно не был знаком. Отсутствовал и заключительный диагноз специалиста в конце. Вероятно, это был фрагмент документа. Только красным маркером обведены три значения и от руки написано: “Триада И.”

“Да пошли они все! – сказал Изотов и пошел доедать холодную яичницу.

7. Юлька

Юлькин подъезд утопал в молодой зелени. Солнце радовалось и купало в золоте прохожих. Цезарь злобно мяукал в переноске и неистовствовал, возможно, даже угрожал. Изотов, борясь с тычками разгневанного кота, проходил мимо сидевшей на лавочке бабушки. «Здравствуйте!» – удивилась Юлькина соседка. «Узнала, помнит еще» – подумал Изотов и приветливо кивнул.

Подъезд стал чище, сделали ремонт и намалеванное Юлькой сердечко между первым и вторым этажами безжалостно закрасили болотно-зеленой краской. Изотов всегда недоумевал: по какому принципу выбирают цвет стен в подъездах? Кому нужна эта беспросветная тоска? Он нажал на звонок седьмой квартиры. Так и не работает. До сих пор некому починить. Он постучал. Дверь сразу открылась...

Юльку в компанию Изотова привела на день медика их общая подруга. Юля работала медсестрой в процедурке третьей терапии и органично вписалась в их слегка подвыпившую компанию с пошловатыми шутками и черным юмором.

Сергей проводил ее до дома, а через неделю признался Маку: “Блондинка с большой грудью. Я поплыл”. А еще через неделю Изотов к Юльке переехал.

Юляшек была очаровательна. Она окружила Сергея женской заботой и обожанием. Мелкие знаки внимания, сердечки, смайлики, милые признания грели, оголодавшего по теплу, Сергея. Изотов перешел на здоровье питание и обязательный суп. Его биоритмы, нарушенные бессонницей и ночными дежурствами, стали налаживаться. Он уже реже засиживался у компьютера и не устраивал полуночные набеги на холодильник. Все это благополучно заменял добротный секс, качественный и ударный. Юлечка трудилась и умела угодить. Излишняя суета и желание подстроиться успешно компенсировались упругим четвертым размером и голубо-глазой томностью.

Ухаживания за женщиной потребовали от Изотова материальные ресурсы, и он чаще брал подработки. С суток в ночь, сутки через сутки. Юлька задумалась о совместном отдыхе и ремонте. Сергей не возражал.

Юлька любила “куда-нибудь забуриться”, как она говорила, выгуливать платья, туфли, новую губную помаду. Кафе, кино, спектакли. Сергей не считал себя особым ценителем искусства. Он не мог оценить, правильно ли поставлен свет и насколько точна актерская игра. Но он точно знал, что есть фильм, который забудешь через пять минут. А будет и такой, который остался с тобой, он всплывает в голове через день, месяц, год. И ты носишь его с собой и размышляешь о нем. А некоторые фильмы Изотов носил с собой всю жизнь. Как и книги.

Юлька носила с собой любовные романы, популярную психологию полов и поваренную книгу. Не глубоко, но Изотову хватало. Ему было с Юлькой легко и не сложно.

Постепенно Сергею все меньше оставалось времени на ночные зависания в интернете и любимый диван с книжкой. Изотов под благовидным предлогом отказывался от вечерних тусовок, кино, посиделок в кофейне. Юлины голубые глазки темнели, красивые губки дулись. Она замыкалась в соцсетях, внимала женским гуру, раскидывала на картах Таро.

Изотову это не мешало. Даже наоборот, дарило немного тишины и личного пространства. Котлетки были по-прежнему сочны, секс по-прежнему недурен, только все больше хотелось сна и одиночества.

Юлечка начала капризничать и просить внимания, то устраивать романтические ужины, то уходить в демонстративное молчание. Открытых конфликтов у них не было и, возможно, они бы еще и продержались. Но у Сергея заболела мама и он переехал к ней.

Когда мама слегла, Юля иногда заходила с ней пообщаться с искренним участием и ароматной кастрюлькой супа с клецками, мамино любимого. Мама оживала и даже улыбалась.

После одного из таких визитов она задумалась и тихо сказала Сергею: “Ты подумай, иногда важнее не твои чувства, а то, как относятся к тебе”.

Когда мама умерла, Сергей замкнулся, его не покидало чувство вины. Он не мог простить себе мамин уход. Мысли извивались в мозгу как черви и многократно прокручивали возможные варианты событий, будь Изотов заботливей, внимательней, умнее.

Юля старалась поддержать Сергея. Но его накрыла такая пустота и безразличие ко всему и всем, что он не всегда отвечал на звонки, а потом и вовсе перестал брать трубку.

Юля открыла дверь, растрепанная, румяная, немного похудевшая. Она заулыбалась:

– Привет! Проходи...

– Вот, – сказал Сергей, тоже улыбаясь. Он вошел. Пахло травяным чаем и выпечкой. – Я уезжаю. А Цезаря некому оставить. Ты с ним всегда ладила... Я и подумал... – смутился немного Изотов, показывая на переноску с притихшим котом.

– Надолго уезжаешь? – спросила Юля и посмотрела на Сергея глазами потерявшегося ребенка.

– Не знаю пока. Как получится. В Тургодан. К Маку.

Юля молча достала кота из переноски и прижала к себе. Цезарь не возражал, потерся мордой и ткнул носом в юлькину щеку.

– Спасибо тебе, – сказал Сергей. – Мне, кроме тебя, не к кому было обратиться.

– Я собрала твои книги, ты забыл их у меня, – вспомнила Юля и дернулась в комнату.

– В другой раз заберу, – остановил ее Изотов. – Ну, спасибо еще раз. И... прости меня...

Юля ничего не ответила.

8. Тургодан

Театр начинается с вешалки, а город – с аэропорта. Здесь безошибочно осознаешь размах населенного пункта, его место в авиаперевозках и всю значительность вклада горожан в местный туризм.

Маленький одноэтажный аэропорт приветствовал Изотова ночными огнями и синей вывеской “Тургодан”. В здании было практически пусто. Несколько человек томилась в маленьком зале. Кто-то грустил в ожидании рейса, кто-то тревожно всматривался в одинокое табло. Самолет, которым прилетел Сергей, был небольшой. Никто не спешил. Пассажиры терпеливо ждали багаж. В киоске сувениров скучала заспанная продавщица.

– Серега, ты явно погорячился, в своем модном пальтишке замерзнешь у нас, – Мак смеялся и обнимал Изотова. – Я рад, что ты приехал! Тебе еще повезло. Здесь в это время часто снегопады и ветер. А для тебя, пожалуйста, летная погода! Как по заказу. Серега!

На улице было морозно, но уже пахло весенней сыростью и начавшей оттаивать землей. Низкое желтое солнце пряталось за дырявыми тучами, освещало куцые осевшие сугробы, отражалось в замерзших лужах. Изотов поскользнулся и ухватился за Мака.

– Ты осторожней! Обувь тоже у тебя так себе, скользкая, не для нашего климата. Да ничего, что-нибудь придумаем. Как я рад! – оживленный Мак говорил, не останавливаясь. – Как дорога? Вымотался? Тяжеловато, конечно, с этими пересадками. Но ты хорошее время выбрал. Зимой из-за непогоды люди рейса неделю ждут.

Изотов устало молчал, осматриваясь. Мак в утепленной куртке, вокруг шеи широкий шарф, из-под слетевшей на бок вязанной шапки лезли непослушные кудри. Глаза щурились за толстыми круглыми линзами.

– Что? Светло у нас? – не умолкал Мак. Полярный день! Привыкай. До середины лета теперь.

В воздухе закружили редкие снежинки. Сергей поежился. Услужливые таксисты засуетились вокруг выходящих из аэропорта приезжих.

Пожилой молчаливый таксист неторопливо загрузил багаж.

– Институт мозга, – сказал ему Мак и сел вперед.

– Как ты смотришь насчет гостиницы при Институте? – обернулся Мак к Сергею, – там вполне комфортно. Мой дом для тебя всегда открыт. Но я знаю, ты любишь быть один. А там есть все необходимое. Отдохнешь, выспишься, поздно уже. А завтра утром поговорим.

– У вас есть своя гостиница? – удивился Изотов.

– А как же! К нам приезжают иногородние пациенты для консультаций. И специалисты на стажировку. С гостиницей очень удобно.

За окном простиралась тундра. Точно такая, как представлял ее Сергей, как читал про нее в школьных учебниках. Холодная, неудобная и скупая. Пустыня до горизонта, засыпанная серым снегом, с редкими черными проталинами. Мелькали карликовые деревья, мелкий кустарник. Ленивый ветер гонял легкую снежную крупу. Желтый диск солнца слепил глаза и обещал скорую весну. Серое однообразие и тихая поземка убаюкивали. Легкая усталость закрывала глаза и затуманивала голову.

Сергей размышлял. Что я здесь делаю? Возможно, это новый этап в моей жизни? Проверка меня на прочность? Хотя, “скорая” – чем тебе не проверка? Да нафиг эта “скорая”? Как собака, день-ночь, по этажам, по подъездам. То резаные, то наркоманы. Главврач сквозь зубы здороваются. За человека не держит.

Изотов достал телефон и написал Ире. “Я прилетел. Буду рад увидеться”. Какая здесь будет весна? Куда можно будет пригласить Иру? Куда здесь ходят вообще?

Машина резко повернула и въехала в плотный туман. За окном желто-серая мгла, видимость нулевая. Водитель не сбавлял скорость и мчал по трассе. Вдруг Изотов услышал странные звуки, похожие на вой животного, появился звон в ушах, голова закружилась. Изотову стало не по себе. А Мак беззаботно спал.

– Эй, сбавь скорость! – крикнул Сергей таксисту. – Такой отчаянный что ли? Жить надоело? – возмутился он.

Но таксист не реагировал. Он входил в резкий поворот с уверенностью человека, знающего каждый вираж трассы. Внезапно перед машиной мелькнула длинная тень. Крупное туловище, высокие тонкие рога, испуганный взгляд дикого животного – на трассу выбежала крупная косуля.

– Стой, ты что творишь? – закричал Сергей и вцепился в плечо водителя.

Таксист резко повернул вправо, завизжали тормоза, колеса заелозили по асфальту, прихваченному морозом, их понесло с трассы. Водитель лихо пронесся по краю кювета. Машина на скорости накренилась, выбросив фонтан снега из-под колес, и вывернула на дорогу. Изотов обернулся назад – косуля убежала в темноту.

Таксист расхохотался низким хриплым смехом. Сергей хотел выругаться, но не смог произнести ни звука. В зеркале заднего обзора на него смотрели внимательные желтые глаза таксиста. Они светились в сумраке от встречных фар и впивались тонкими вертикальными лучами. Сергей закричал и отпустил плечо водителя.

– Серега! Серега! Проснись! – тряс Изотова Мак. – Приснилось что-то? Совсем тебя утомила дорога. Скоро приедем уже. Изотов очнулся и осмотрелся по сторонам. За окном мелькали огни города.

– Где мы? – огляделся Изотов.

– Это мост через реку Турга. От нее и название города – Тургадан. Турга делит город на две части. Левый берег – район промышленный, там заводууправление, проходные, есть и жилые дома, но это старые постройки, их отчасти уже сносят. С левого берега город начинался когда-то. А правый – он более фешенебельный, если можно так сказать. Именно на правом вся жизнь: театры, кино, торговые центры, ну и спальные районы, конечно. На левом – люди работают, а на правый уезжают отдыхать.

– Что наша жизнь? – вставил пожилой таксист, – поработал, побухал, поспал и снова поработал. – И засмеялся в густые усы.

Мак понимающе улыбнулся и добавил:

– Наш Институт на правом берегу.

Таксист оживился:

– А правда про ваш Институт болтают, что держите вы там кого-то в подвалах для опытов? А потом души их ходят ночами по этажам и светятся в окнах?

– Ну что вы! Ей богу, ну что за чепуха? – рассмеялся Мак. – Мы же современные люди. Да и какие могут быть подвалы? Здесь вечная мерзлота, дома на сваях стоят. Подвалов быть не может по определению...

– А это основная магистраль города, – продолжил Мак, обращаясь к Сергею, – проспект Ленина.

Проспект пересекал большую площадь с величественными зданиями.

– Такая архитектура в Тургадане только здесь. Сталинский ампир, – продолжал Мак. – А это администрация. – Мак показал на здание с высокими колоннами и подсветкой. – Но, в основном, здесь обычные жилые пятиэтажки. Есть, конечно, и современные постройки, вон Управление градообразующего предприятия Турмет.

Мак показал на надменную многоэтажку, которая, как корабль, рассекала движение машин на два потока. Она светилась синим неонам, электронное табло в центре показывало температуру воздуха минус пять градусов.

– У нас город всегда ярко освещен, – сказал Мак, – а в полярные ночи тем более, ведь света всегда не хватает. А отсюда депрессии, угнетенное настроение.

Сергей огляделся. Действительно, симпатичные пятиэтажки с цветными красно-желтыми фасадами. Граффити в стиле мир-труд-май призывали работать и улыбаться. Растительности в городе почти не было. Вдоль проспекта стояли железные светящиеся деревья.

– Это у вас здесь, в центре, на правом берегу, – бесцеремонно влез в разговор таксист, – наштукатуренные фасады. А ты посмотри, что на окраине. Беднота облезлая.

– Вот здесь налево, у крыльца остановите, – сказал Мак, не обращая внимание на замечание таксиста.

Институт мозга представлял собой современное пятиэтажное здание с высокими узкими окнами и пафосными тяжелыми дверьми. Перед ним росли голубые ели с человеческий рост. Тень от подсветки снизу делала их выше и подчеркивала рельеф, обрамляющий вход.

– Величественно, – заметил Изотов.

– Есть немного, – рассмеялся Мак. – Турмет поддерживает нас, а мы вносим свой вклад в здоровье тургаданского металлурга.

Гостиницей оказалось небольшое двухэтажное здание за институтом с зеркальным холлом, одиноким диваном и приглушенным светом на ресепшн. Сонная девушка с безразличным взглядом произнесла заученные фразы как приятно ей видеть гостей и попросила заполнить анкету.

Изотова разместили в номере на мансардном этаже. “Этот этаж у нас служебный, – объяснил Мак перед уходом, – иногда сотрудники задерживаются по работе, а нередко зимой в непогоду остаются ночевать”.

Изотов чувствовал себя опустошенным и обессиленным. Оставшись один, он рухнул на кровать.

Номер был небольшой, но комфортный. Над головой склонялись ломаные своды крыши, стены и потолок обшиты деревянными панелями, от этого становилось тепло и согревало домашним уютом. “Запах дерева и ортопедический матрас, – подумал Сергей, – много ли надо для счастья?”. Кресло, столик с абажуром, милые в цветочек занавески.

Скупое полярное солнце сочилось в окно и отражалось на стекле картины на стене. От игры света кот становился золотистым и улыбался. “Почти как Цезарь”, – подумал Сергей. “Что же там Ира? Почему не отвечает? Уже поздно, спит, наверное. Но нет, сообщение прочитано и зеленый значок сигнализировал, что она в сети. Ага, что-то печатает. Ждем.” Но нет, внезапно Ира вышла из онлайн.

Уставший Изотов думал, что быстро заснет, но занавески совсем не прятали солнце полярного дня. Сложно быстро привыкнуть к непривычному производственному шуму города. Гул возникал внезапно, словно тысячи труб устало выдыхали свою накопившуюся тоску. А потом медленно затухал, как уходящий в даль унылый хор паровозных гудков.

Пустой желудок сначала скромно напомнил о себе, а потом требовательно заурчал. За годы работы сутками на “скорой” у Сергея сбились биологические ритмы, и он страдал бессонницей. Ночные бдения за книгой или компьютером, набег на кухню были для него привычными. Изотов на удачу заглянул в маленький холодильник, стоящий в нише стены. Но тот был выключен, а на полке лежала одинокая теплая бутылка пива. Электрочайник тоже оказался нерабочим. Попытки позвонить на ресепшен не увенчались успехом. В номере не было света.

А за окном город жил. В домах горели огни, мелькали машины и оранжевые шашечки такси, спешили редкие прохожие, подмигивали светофоры. Высокие серые трубы красили небо грязным дымом. Только солнце висело над крышами и никуда не торопилось. И действительно, как рассказывал Мак, Тургадан никогда не спит. Всегда есть кто-то, кто спешит на работу или домой.

Институт мозга напротив величаво утопал в темноте. Освещались только вход и пустой холл. Внезапно Сергей заметил, как маленький огонек блуждает на пятом этаже, медленно продвигается, перебирая окна, будто высматривая кого-то на улице. Он вспомнил таксиста с его рассказом о потерянных душах и про себя улыбнулся. Наверное, с фонариком кто-то блуждает.

“Ну что ж, придется выходить на ночную охоту за чем-нибудь пожрать, а заодно найти живого администратора”, – решил Изотов.

В пустом коридоре было темно. Сквозь высокие узкие окна крыши неуверенно проникал свет. Мягкий ковер приглушал шаги, но половицы недовольно поскрипывали и, казалось, что пол ворчит сам по себе, недовольный ночным гостем.

Сергей свернул на лестницу и увидел поднимающуюся длинноволосую девушку с робким огоньком в руках. В большой не по размеру флисовой пижаме и лохматых с ушами тапочках, она шаркала ногами по ступенькам. Одежда и растрепанные волосы делали ее смешной и нелепой. Девушка несла в руках горящую свечу в прозрачном стакане. Она прикрывала от сквозняка колышущееся пламя и не сразу заметила Изотова.

– Что-то со светом? – окликнул девушку Сергей.

Незнакомка вздрогнула, и подняла на него голову. Пламя заволновалось и осветило на пижаме рыжую кошачью морду, которая улыбалась, как на картине в номере Изотова. Девушка убрала с лица волосы и хотела что-то ответить, но, взглянув на Изотова, вздрогнула, будто ожидала увидеть кого-то другого. От неожиданности карие глаза округлились. “Как у той косули на дороге,” – успел подумать Изотов. Девушка приоткрыла рот, застыв в молчании, словно жертва перед хищником. Повисла пауза как в немой сцене кино.

– Я оказался недостаточно красив? Даже при таком освещении? – решил разрядить обстановку Сергей.

– Нет... то есть... да, красив... – растерялась девушка и виновато заулыбалась. – Света нет, авария какая-то. Здесь частенько случается. Персонал занят гостями, а наш этаж служебный. До нас пока дойдут. А у меня еще и телефон сел. Одно к одному... – И она развела руками, будто оправдываясь. – И вот – свеча. Вам, надо? Свет наладят только к утру.

– Нет, но спасибо за заботу, – ответил Изотов. – А в институте напротив тоже нет света?

– Ну что вы! Там всегда есть свет. Генератор. Там дежурная бригада. Как же они без света.

– А здесь можно где-то перекусить в это время? – спросил Изотов. Желудок настойчиво урчал и требовал свою порцию ночного перекуса.

– Внизу, на первом этаже, есть кафе. Возможно, они найдут чем вас сейчас накормить. Изотов начал спускаться по лестнице вниз, но девушка остановила его:

– А вы чей-то гость?

– Нет, я сам по себе, – ответил Изотов.

– Обычно здесь сотрудники института или их родственники. Я вас раньше не видела.

– У вас еще будет возможность меня разглядеть. И при дневном свете. А вы, как я понимаю, сотрудница? – спросил Сергей, скорее из вежливости.

– Да. Я Кира, – улыбнулась девушка.

– Сергей, – ответил Изотов и посмотрел на часы – полвторого. – Спокойной ночи, Кира.

Внизу, действительно, оказалось кафе с нежным названием “Морошка”. Изотов подошел к единственному официанту за барной стойкой. “Сейчас работает генератор. Для холодильников. Режим экономии”, – поделился официант по имени Саша, как сообщал его зеркальный бейджик на красном жилете. Горел приглушенный свет, на некоторых столиках зажгли свечи. Полная неуклюжая уборщица мыла пол и переворачивала стулья на столы, всем своим видом изображая недовольство новым посетителем. Кафе выглядело заброшенным и неустроенным. Но выбора не было.

Изотов заказал салат и бутерброды с ветчиной. Кипятка не оказалось, предложили компот. Сергей был рад и этому. В ожидании он разместился в одиноком кресле, стоящем в малоосвещенном углу, у маленького круглого столика.

Посетителей почти не было. В глубине зала парень с девушкой шептались за декоративной загородкой в цветах и никого не замечали вокруг.

– Тоже не спится? – услышал Изотов голос сзади и оглянулся.

Это был молодой человек в спортивном костюме. На его столе не было свечи, поэтому он остался незамеченным.

– Разрешите? – спросил незнакомец. Он приподнялся, захватив со стола бутылку вина с бокалом, и, не дожидаясь ответа, подсел к Сергею. – Не люблю гостиницы. Но эта еще ничего. Чистенько. Вот только это отключение. Вы издалека? В институт?

– Да, по работе, – неохотно ответил Изотов. Он был совсем не расположен к общению. Но заказ надо было дождаться и забросить еды в желудок.

– По работе – это хорошо. А я вот по здоровью. К несчастью... Не могу заснуть. Нервы. – Незнакомец деланно улыбнулся, ища сочувствие.

При неярком свете Сергей рассмотрел его. Круглое лицо, выдающиеся скулы, широкие черные брови над узкими карими глазами. Худощавый, энергичный, с резкими но неуверенными движениями, молодой человек двигал под собой стул, пытаясь найти комфортную дистанцию со столом.

– Легкое вино немного расслабляет, – будто оправдываясь, добавил незнакомец. Он наполнил бокал и сделал пару крупных глотков. – А вы медик, наверное? Раз по работе...

– Нет, – соврал Изотов. Он не любил говорить, что врач. Это сразу определяло линию разговора, уходящую в жалобы, вопросы и претензии ко всему здравоохранению.

Повисла тишина. Незнакомец задумался, потом посмотрел на Сергея, будто вспомнив, что он не один, и сказал:

– Ожидание неизвестности утомляет. Конец учебного года, а я здесь сижу... Как это все несвоевременно...

Изотов молчал. Он не желал поддерживать беседу. Он пришел поесть. Где же ходит этот официант?

– Я учитель, – продолжил молодой человек, – в конце года надо столько всего успеть. А я здесь.

Собеседник осмотрелся вокруг и продолжил, снова будто оправдываясь.

– Конечно, я могу что-то закончить и удаленно. Но меня ждут дети.

Изотов снова посмотрел на незнакомца уже с любопытством. Осунувшееся лицо, темные круги под утомленными глазами, нервные дерганные жесты.

– Вы устали, вам бы поспать, до утра еще далеко, – сказал Сергей.

– Я и лег пораньше! – оживился незнакомец, будто так и ждал, когда Изотов присоединится к разговору. – Проснулся резко, как от толчка. Пошел в туалет, свет отключили. Подхожу к окну. А мои окна прямо напротив института. Темень везде. Ну как темень, солнце, конечно, светит. Но институт-то пустой. А на пятом этаже, в диагностическом, чей-то фонарь гуляет по отделению. Из окна в окно. Прыгает.

– Да это охранник, наверное. Проверяет свои владения. Я тоже видел.

– Да какой охранник? – махнул рукой незнакомец. – Там сторож ночью. Старичок древний. Еле ходит. С палочкой. Он сидит у себя, только за мониторами смотрит.

– Да мало ли, сотрудник ходит. В ночь остался, – заулыбался Изотов. Ему показалась странной реакция человека на столь несущественное событие. – К тому же там дежурная бригада есть.

– Она в другом крыле, – ответил незнакомец и перешел на шепот. – А вы Его видели?

– Кого Его?

Откуда-то повеяло холодом, легкий сквозняк потревожил пламя свечи, по стенам пробежали тени. Нервно замерцал приглушенный верхний свет.

– Стоит у окна, – продолжил шепотом незнакомец, наклонившись к Изотову. – В черном длинном плаще с капюшоном.

– Не уж то смерть? – пошутил Изотов, подыгрывая и тоже перейдя на шепот.

– Зря смеетесь. Я бы и внимание не обратил. Если бы он на меня не смотрел. Долго так, пристально. А глаза в темноте светятся... желтым... Я у людей не видел таких никогда. И кот рядом с ним. Всегда разный.

– Может, он не на вас смотрит?

– Хорошо, если не на меня. Я бы не хотел с ним иметь дело.

Незнакомец все потягивал вино и уже стал немного пьянеть. Он расслабленно развалился на стуле, глаза стали сонными.

Официант принес Сергею заказ и Изотов с удовольствием принялся за салат. Настроение поднялось и он полюбопытствовал:

– А вы давно здесь?

– Да пятый день уже. Думал ненадолго, но пришлось задержаться. На обследование. На эту... шляпу... Хогвартса.

Сергей не выдержал и рассмеялся в голос.

– На шляпу? – повторил он. – Это какое-то новое слово в науке? Или вы претендуете на факультет в Хогвартсе? – не унимался Изотов. Что только не придумают эти пациенты.

Незнакомец посерьезнел и ответил:

– Странно, что вы приехали по работе, а таких вещей не знаете. Это обследование головного мозга. На предназначение!

– Вы не перестаете меня удивлять, – опять заулыбался Изотов. – Такого нет обследования. Только вы сами для себя можете решить. Предназначение ваше. Придет же в голову! Хогвартс! Лишь бы снять с себя ответственность за свою жизнь. И свалить на врача. Вы же образованный человек! Сколько вам лет?

– Ну двадцать восемь. После всего, что со мной происходит, я готов во все поверить, – грустно ответил незнакомец.

И молодой человек, словоохотливый после выпитого алкоголя, рассказал Изотову, что его привело в Институт. Оказалось, его зовут Алтан и он из древнего эвенкийского рода. Дале-

кие предки по матери занимались шаманизмом. Мама никогда не любила северный климат и еще в юности уехала на Южный Урал. Там встретила папу, вышла замуж. А с северными родственниками отношения не поддерживала, не сложилось. У них обычная семья, папа инженер, мама медицинский работник. Сам он, учитель в школе небольшого поселка городского типа. Учит детей географии, ведет краеведческий кружок, водит иногда в походы детей. Никогда не интересовался сказками про шаманизм и всегда считал их суеверием и пережитком прошлого. Но вдруг внезапно у него появились головные боли, голоса и галлюцинации по ночам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.